

Советская археология №3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 902
ББК 63.4
С56

С56 Советская археология №3 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 306 с.

ISBN 978-5-458-43368-6

«Советская археология», журнал, издаваемый институтом археологии АН СССР. Выходит с 1957, является преемником одноимённых сборников, издававшихся в 1936—59 (в. 1—30). «Советская археология» публикует материалы о важнейших открытиях советских археологов, знакомит с археологическими работами за рубежом. В журнале помещаются статьи по различным проблемам археологии и древней истории, вопросам экономики, социального строя, идеологии, искусства древних и средневековых обществ, публикуются новые археологические материалы, критические обзоры советской и зарубежной литературы по археологии, рецензии, статьи по методике археологических исследований. Тираж (1975) 3,3 тыс. экз.

ISBN 978-5-458-43368-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

1990 3

SOVIET ARCHAEOLOGY

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Munchaev R. M., Merpert N. Y., Bader N. O. (Moscow). Tell Hasna I (Soviet Expedition in North-Eastern Syria in 1988—1989)	5
Krainov D. A., Zaitseva G. I., Utkin A. V. (Moscow, Ivanovo). Stratigraphy and Absolute Chronology of Ivanovskoe III Camp	25
Buzin V. S. (Leningrad). Settlements and Dwellings of the Volosovo Culture as a Source of Sociological Reconstructions	32
Stefanov V. I., Koksharov S. F. (Sverdlovsk). Northern Transural Area in the Early Bronze Age	44
Kozenkova V. I. (Moscow). The Koban Culture's Chronology: Results, Experience, Elaboration, Unsolved Problems	64
Kolotukhin V. A. (Simferopol). The Kizil-Koba Culture: Its Genetic Roots and Conditions of Formation	93
Olkhovsky V. S. (Moscow). The Northern Caucasian Stelae of the Early Iron Age	113
Vinnikov A. Z. (Voronezh). Contacts of the Don Slavs with the Alan-Bulgarian World	124
Korobushkina T. N., Salivon I. I. (Minsk). The Countryside Population in the Middle Bug in the 9th-13th Centuries (on the materials from kurgan burials)	138

Discussions

Vasiliev V. I. (Moscow). On N. L. Chlenova's Article "The Volga and the Southern Urals as Imagined by the Early Iranians and Finno-Ugrians in the Second-Early First Millennium B. C." (SA, No. 2, 1989)	150
Raevsky D. S. (Moscow). On N. Chlenova's Article "The Volga and the Southern Urals as Imagined by the Early Iranians and Finno-Ugrians in the Second-Early First Millennium B. C." (SA, No. 2, 1989)	151
Sokolova Z. P. (Moscow). Ardvi Sura Anahita of the Iranians and the "Golden Idol" of the Finno-Ugrians	154
Chlenova N. L. Concerning Responses to My Article	161

Publications

Korpusowa W. N., Ljaschko S. N. (Kiev). Catacomb Burial with Wheat in the Crimea	166
Kircho L. B. (Leningrad). The Earliest Seals and Their Stamps from Altyn-Depe	176
Bgazhba O. Kh., Terekhova N. N., Rosanova L. S. (Sukhumi, Moscow). Blacksmiths' production from the sites of Tsebel'da culture	184
Popova E. A. (Moscow). Late Scythian Sacrificial Complexes at the Chaika Settlement	196
Saprykin S. Y. (Moscow). A Unique Stater of Dynamia, a Bosporan Queen	204
Voronina R. F. (Moscow). Trapeze Pendants with Tube Additions of Ancient Mordva	215

Nikitina Y. I. (Moscow). Grafitti from the St. Sophia of Novgorod	220
Beletsky S. V., Krymov E. V. (Leningrad, Dubna). Memorials of Sphragistics from Old Russian Dubna	233

Notes

Shevelev V. V. (Tallinn). Flint Figurines from Kargopol	247
Subbotin L. V., Petrenko V. G. (Odessa). Rare Monuments of the Danube Ancient Cultures	250
Klochko L. S., Olenkovsky N. P. (Kiev). New Scythian Tips from the Lower Dnieper	253
Kirzhner E. E., Armatynskaya O. V. (Izhevsk). A Bronze Ananino Pole-Axe from Galanovo	256
Shapovalov G. I. (Zaporozhie). Votive Ancors from the Black Sea	259
Kyzlasov L. R. (Moscow). On the Shamanism among the Ancient Turks	261
Artemiev A. R. (Vladivostok). On the Typology of Architecture of the Serft in the Pskov Area in the 15th Century	264

History of Archaeology

Artamonov M. I. (Leningrad). The Beginnings of the History of Russia as Told by Archaeology	271
--	-----

Chronicle

Smirnova G. I., Flerov V. S. (Leningrad, Moscow). National Seminar Dedicated to the 90th Birth Anniversary of Mikhail I. Artamonov	291
Potemkina T. M. (Moscow). Conference on the Results and Prospects of Archaeological Research in the USSR	296
Smirnov K. A. (Moscow). Rostislav L. Rozenfeld. Obituary	301

Р. М. МУНЧАЕВ, Н. Я. МЕРПЕРТ, Н. О. БАДЕР

ТЕЛЛЬ ХАЗНА I

(исследования советской экспедиции в Северо-Восточной Сирии;
1988—1989 гг.)

Весной 1988 г. экспедиция Института археологии АН СССР приступила к широким полевым исследованиям на территории Сирии.

Как известно, Сирия составляет неотрывную и глубоко оригинальную часть древневосточного культурного очага. Уже в раннем палеолите Восточное Средиземноморье играло огромную роль, являясь одним из основных путей расселения древнейшего человека из его восточноафриканской прародины. В дальнейшем здесь, в частности на территории Сирии, происходили важнейшие культурно-исторические процессы, которые привели к возникновению производящих форм хозяйства и формированию древнейшей цивилизации. В Сирии скрещивались основные пути культурных связей, имевших самые различные источники и направления. Чрезвычайно интересные и своеобразные пути культурного развития сочетались на ее территории с воздействиями Месопотамии, Египта, Финикии, Хеттской державы, Ахеменидского Ирана. Позднее здесь сформировались замечательные очаги развития эллинистической, римской и византийской культур. Наконец, хорошо известна огромная роль Сирии в становлении арабской государственности, в развитии всех отраслей великой арабской цивилизации. Поэтому совершенно закономерна значительная концентрация на территории Сирии археологических памятников, начиная с ранних ступеней палеолита вплоть до позднего средневековья, равно как и особая активность археологических исследований в данном регионе Ближнего Востока. Более 100 лет памятники Сирии исследуются как местными учеными, так и экспедициями Англии, Франции, Италии, США, ФРГ, Голландии, Японии, Польши, ГДР и других стран. В целом ряде случаев эти исследования привели к открытиям общемирового значения. Достаточно вспомнить результаты раскопок Рас Шамры, продолжающиеся по сей день исследования Дура Европос (начатые еще М. И. Ростовцевым), Мари на Среднем Евфрате и, наконец, Эблы (Иблы) с ее феноменальным архивом из более чем 16 тыс. клинописных документов, заставляющих взглянуть по-новому на культурно-исторический процесс на Ближнем Востоке в III тыс. до н. э. В этой связи нельзя не выразить сожаления, что советские ученые со столь большим опозданием начали археологические работы на сирийской земле. Правда, как известно, в 1969—1980 и 1985 гг. экспедиция Института археологии АН СССР провела широкие и весьма результативные исследования на территории Северо-Западного Ирака, смежной с северо-восточной частью Сирии и представляющей вместе с ней Северную Месопотамию.

Здесь, на правом берегу Тигра, в Синджарской долине нашей экспедицией была исследована группа раннеземледельческих поселений VIII—IV тыс. до н. э., отражающих основные ступени развития дописьменной Месопотамии¹. В процессе этих работ выявилась необходимость расширения деятельности экс-

¹ Результаты работ Иракской экспедиции Института археологии АН СССР отражены более чем в 50 публикациях, включая монографические исследования [1, 2].

педиции на смежные территории, прежде всего на сопредельные районы Сирии, являющиеся естественным продолжением Синджарской долины и составлявшие в древности единую в культурно-историческом отношении область Ближнего Востока. Возможность осуществить это конкретно представилась после решения АН СССР организовать специальную экспедицию для проведения археологических исследований на территории Сирии. Перед экспедицией была поставлена задача изучения проблемы развития раннеземледельческих культур и древнейших цивилизаций в этом важнейшем регионе Ближнего Востока.

Весной того же года группа в составе Р. М. Мунчаева, Н. О. Бадера и О. Г. Большакова совершила поездку в Сирию с целью проведения разведочных работ, выбора объектов исследования советской экспедиции и заключения соответствующего соглашения с Управлением древностей и музеев Сирийской Арабской Республики. Разведки были проведены, естественно, в северо-восточной части страны, пограничной с районом работ нашей экспедиции в Ираке. В процессе их мы остановили свой выбор на группе холмов, расположенных в 25 км к северо-востоку от г. Хасеке, слева от дороги из Хасеке в Телль Брак, близ с. Телль Хазна. На склонах одного из них были собраны отдельные образцы характерной расписной керамики убейдской культуры (конец V—IV тыс. до н. э.) наряду с большим количеством фрагментов более поздних сосудов, относящихся в основном к III тыс. до н. э. (раннединастического I—III и аккадского периодов). Подчеркнем, что на археологической карте данного района Сирии ни этот холм, ни другие телли, расположенные между селами Телль Хазна и Телль Нурек и дальше вдоль вادي на север и юг, не отмечены. Таким образом, выяснилось, что памятники этого небольшого региона Северо-Восточной Сирии до нас совершенно не были обследованы. Это обстоятельство и послужило импульсом к исследованию данной группы памятников, и в частности отмеченного телля.

Исследуемый холм находится в 1 км к северо-северо-востоку от с. Телль Хазна и известен у местного населения под названием Телль Алави (по имени небольшого хутора близ него). По соседству с ним имеется еще ряд холмов. Поэтому в полевой документации экспедиции раскапываемый памятник обозначен как Телль Хазна I — Алави (для краткости — Телль Хазна I). Он расположен на левом берегу вادي, впадающего в Джак-Джак — приток Хабура. Общепринятого названия вادي нет. Одно из таких названий — вادي Ханзир.

Холм имеет конусовидную форму, со склонами, более крутыми на северной и восточной стороне и более пологими на южной и западной. Он достигает в высоту 17,2 м, а средний диаметр его 150 м. Поверхность холма активно задернована, заметных нарушений не наблюдается (рис. 1, 1).

Особая концентрация находок (керамика, кремневые и обсидиановые орудия) отмечена на поверхности юго-западной части телля. Здесь у его основания найдены фрагменты керамики наиболее ранних периодов — убейдского и урукского. Они позволяли предполагать наличие остатков древнейших поселений прежде всего в данной части телля. Поэтому здесь и был заложен первый раскоп общей площадью 525 м² (рис. 1, 2). Стремясь к скорейшему достижению наиболее ранних слоев, мы начали раскопки не в верхней части холма, а на сравнительно пологом его склоне, примерно на уровне, соответствующем средней части высоты холма [3].

В 1989 г. раскопки были продолжены в северном (в сторону вершины холма) и восточном направлениях. В результате исследуемая площадь телля достигла 1150 м², от уровня 1,98 до уровня 13,87 м. Раскопки велись квадратами 5×5 м (всего 46 квадратов), которые обозначались с севера на юг арабскими цифрами и с запада на восток — римскими. Фиксировались все профили по периметрам квадрата. Все остатки сооружений, а также погребения и ямы получали порядковые номера.

Верхняя часть культурного слоя в нижней части склона холма светло-коричневая, рыхлая, перемешанная, образовавшаяся в результате смыва с более высоких участков. С этим же связана и одновременность обнаруженной здесь

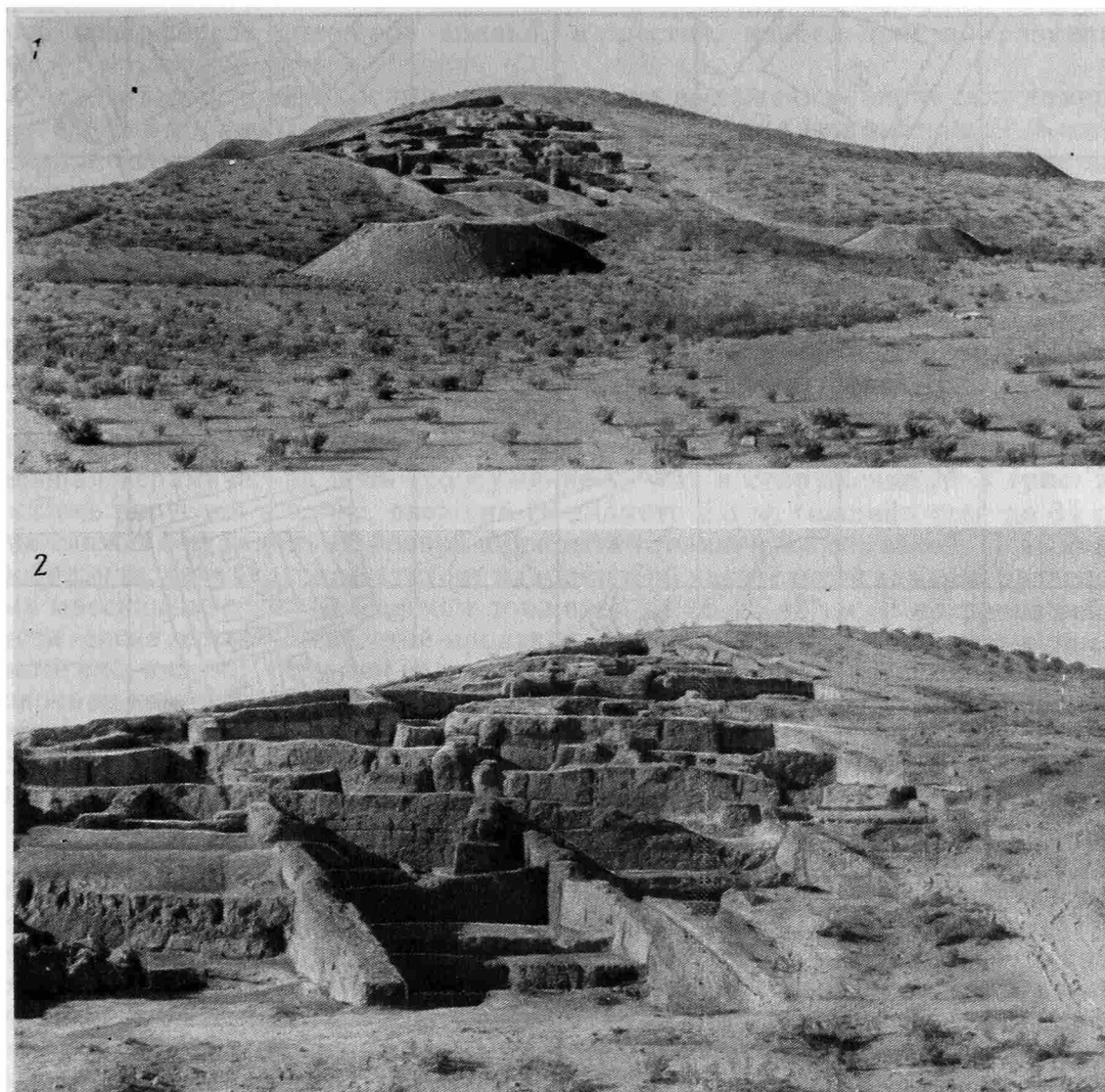

Рис. 1. 1, 2 — поселение Тель Хазна I. Общий вид

керамики. Однако уже на этих участках, почти непосредственно под дерновым слоем, зафиксированы аморфные скопления строительных остатков, гумусные прослойки, а также плотные массивы глины. Что же касается верхних участков, то остатки сооружений начинаются там прямо с поверхности.

В целом на исследованной площади вскрыта сложная система многочисленных сооружений, большей частью взаимосвязанных и относящихся к III тыс. до н. э. Прежде всего следует отметить весьма характерную особенность их расположения: наличие ряда последовательных платформ-террас, с каждой из которых связан определенный комплекс сооружений. Этим объясняется фактическая идентичность материала (главным образом керамического) на всех участках, несмотря на значительную разницу уровней их расположения. Таких платформ-террас выявлено не менее четырех. Первая из них примыкает к массивной стене (сооружение № 17), очевидно, оборонительного характера, прослеженной на протяжении более 15 м (рис. 2). Толщина этой стены 3,3 м. Она сложена из плотных пластов серой и коричневой глины и с обеих сторон обмазана глиняной штукатуркой. Ее основание прослежено на уровне 13,8 м, сохранность в высоту до 1,6 м. С севера к стене примыкает ряд прямоугольных помещений (сооружения № 30—33). Средние размеры их 3×3 м.

Северную границу отмеченных помещений составляет длинная стена — сооружение № 5 (рис. 2). Она стоит на уровне от 11,2 до 10,05 м. Сохранившаяся

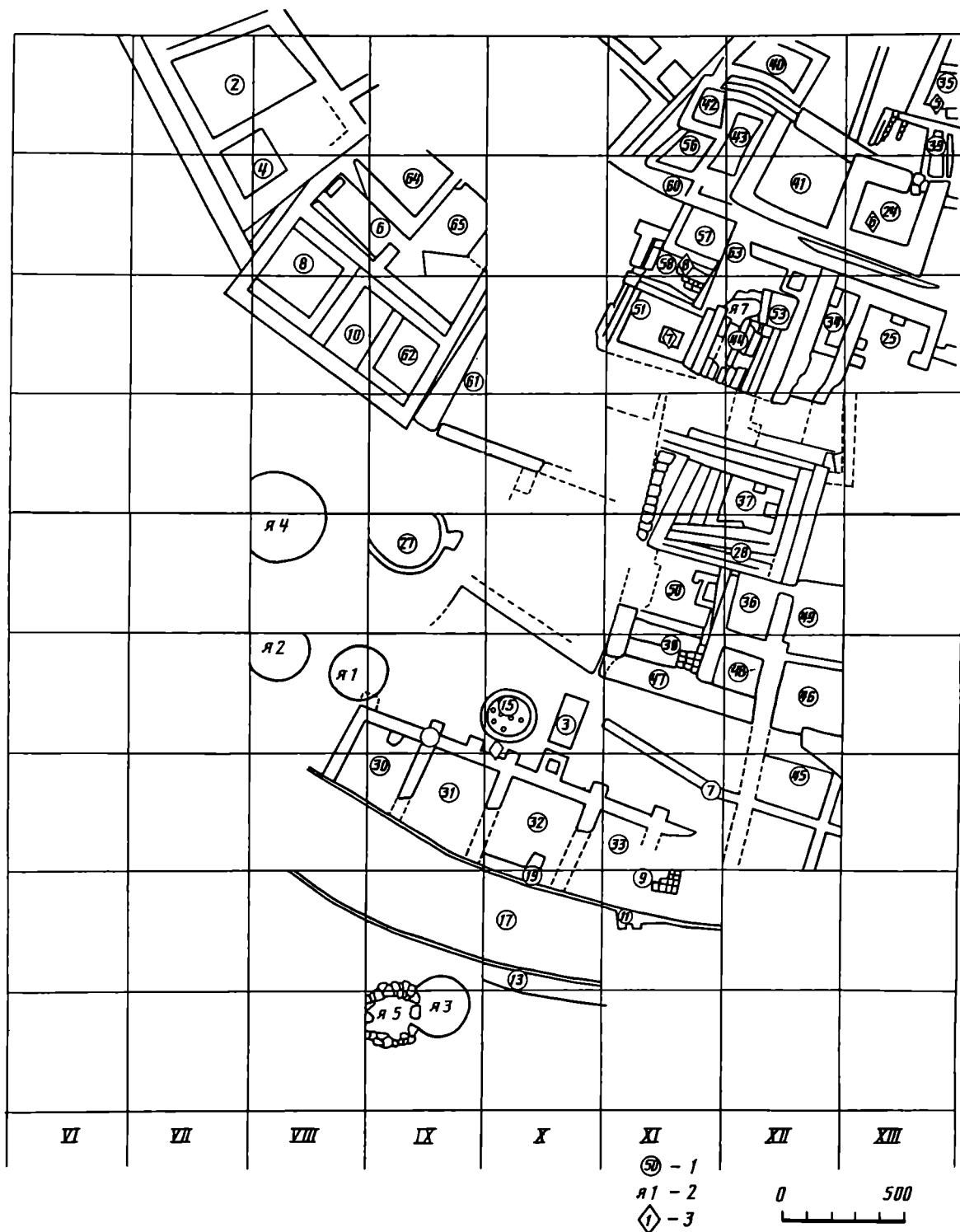

Рис. 2. Телль Хазна I. Генеральный план раскопа. 1 — номер сооружений; 2 — номер ям; 3 — номер погребений

ее высота в среднем 1 м. Стена идет параллельно стене № 17 и прослежена на протяжении около 14 м. У западного окончания (квадрат VIII-19) стена образует угол, сочленяясь с такой же стеной, идущей к юго-западу. Сложена стена из сырцовых кирпичей двух стандартов. Первый — вытянутые кирпичи размером $30 \times 11 \times 7$ см, второй — $28/30 \times 20 \times 7$ см. Кладка нерегулярна: на некоторых участках два ряда кирпичей, на других — три. Кирпичи лежали как по оси стены, так и перпендикулярно ей. Средняя толщина стены 50 см. С северной стороны она была укреплена рядом контрфорсов, сложенных из таких же кирпичей.

Пять контрфорсов сплошной кладки, а шестой, наибольший по размерам ($1,2 \times 1$ м), полый внутри.

Между двумя контрфорсами зафиксирована выложенная кирпичами камера, в которой на уровне 10,56 м открыто погребение ребенка (погребение 2). Костяк лежал в большом глиняном сосуде с ручками в виде налепов, характерном для раннединастического III и аккадского периодов. Отметим, что уровень погребения выше основания стены № 5 и примыкавшей к стене площади.

Очевидно, что стена № 5 носила опорный характер и поддерживала упиравшиеся в нее поверхности более северного участка платформы. Таких поверхностей не менее пяти. Три из них на отдельных участках выложены сырцовыми кирпичами, под которыми зафиксированы зольные прослойки толщиной до 9 см. Основная, наиболее ранняя поверхность прослежена на уровне 10,9 м. На ней отмечен ряд сооружений. В их числе вторая опорная стена (сооружение № 7), примыкающие к ней (в квадрате XII-20) прямоугольные помещения, а также большая керамическая печь (сооружение № 15) и сооружение № 3 (рис. 2).

Печь округлая в плане, внешний ее диаметр 2,3 м, толщина стен до 34 см. Она сложена из глиняных блоков и покрыта глиняной же обмазкой. Печь конусообразная, двухъярусная, состоит из топки и обжигательной камеры, разделенных массивным глиняным диском толщиной от 36 до 43 см. В сохранившейся части диска есть 9 отверстий-продухов диаметром 12 см. Общее их число достигало, видимо, 14, и они располагались двумя concentрическими кольцами. Топочная камера имела глубину 50 см. Устье ее находилось в северо-западной части печи и несколько расширялось с наружной стороны стены, достигая 60—55 см. Оно было закрыто глиняной плитой, а по сторонам фланкировано небольшими контрфорсами. Примыкавший к печи участок был перекрыт толстым (до 1 м) зольно-угольным слоем.

Рядом с печью открыта сплошная кирпичная кладка (сооружение № 3) размером $2,6 \times 1,2$ м и высотой до 1,3 м. Сохранились 15 рядов кирпичей размером $30 \times 30 \times 7$ см (рис. 2). Это сооружение являлось основанием арки, крепившейся с севера к борту следующей — второй платформы, поверхность которой зафиксирована на уровне в среднем 8,5—9 м. Отдельные участки платформы сложены из сырцового кирпича, другие — из пластов глины. Здесь также открыт ряд сооружений (№ 36, 38, 46—50), сконцентрированных на определенном участке террасы.

Следует особо подчеркнуть, что эти сооружения по плану своему увязаны с сооружениями первой террасы. Прежде всего это касается массивных стен (север—юг), ограничивающих группы помещений и продолжающихся далее к северу уже на третьей террасе, поверхность которой находилась на уровне 7,5 м. На значительном участке третьей платформы открыта кирпичная вымостка размером 6×4 м, в которую впущено углубленное на 50 см помещение (№ 37) с внутренними контрфорсами и, возможно, аркой.

Постройки второй и третьей террас не имеют обычного для жилых сооружений культурного слоя, а связь их с большими и тщательно выполненными вымостками позволяет предполагать особый их характер и возможную связь с дворцовым или ритуальным комплексом.

Указанные постройки подступают к следующей, четвертой платформе-террасе, плотная застройка которой зафиксирована на уровнях от 3,7 до 6,7 м. Здесь открыто 20 сооружений (№ 24, 25, 29, 34, 35, 40—44, 51—60), различных по размерам и назначению. Они расположены очень плотно, примыкая друг к другу, и в ряде случаев подчинены единому плану (рис. 2). Все они прямоугольной формы и сравнительно небольшой площади. Дверные проемы зафиксированы в единичных случаях. Стены сложены из сырцовых кирпичей различного стандарта — от $23 \times 23 \times 7$ —8 до $50 \times 23 \times 7$ —8 см. Они сохранились в высоту до 2 м, при толщине до 1 м. Наиболее крупными по размерам являются сооружения № 41 ($3,5 \times 3,5$ м) и 24 ($2,5 \times 2,5$ м).

И на данной платформе культурный слой с обычными бытовыми остатками

(печами, очагами, костями животных и т. д.) зафиксирован лишь в отдельных случаях. Вместе с тем ряд помещений, особенно небольших размеров, имел особое назначение. Об этом свидетельствуют значительные скопления золы, обгоревшего зерна и находок ритуального характера. Особенно характерно в этом плане сооружение № 42. Площадь его всего $1,2 \times 1,1$ м. Высота стен 2,2 м (основание помещения еще не достигнуто). Помещение было заполнено золой, в которой найдено 40 зооморфных статуэток. Близкая картина зафиксирована и в смежном помещении (№ 56), где обнаружено еще шесть статуэток. Наконец, в пяти случаях на полах и под полами помещений, а также в специальных кирпичных конструкциях открыты погребения как детей, так и взрослых. К ним мы вернемся несколько позже. Сейчас же отметим, что в северо-восточном углу раскопа зафиксированы очень слабо сохранившиеся остатки сооружений (№ 26, 35 и др.), расположенных на уровне 3,2—3,4 м. Это позволяет говорить о наличии еще одной платформы-террасы или о более позднем слое, перекрывшем описанные выше более ранние постройки четвертой террасы.

Особый интерес представляет западный участок раскопа, включающий квадраты VI—IX/14—17 (рис. 2). Культурный слой здесь вскрыт на глубину более 6 м. На этом участке открыты остатки фундаментальных архитектурных конструкций с мощными стенами толщиной до 2 м. На отдельных участках они прослежены в длину до 17 м. Стены сложены из кирпичей различного стандарта — от $20 \times 10 \times 7$ до $50 \times 30 \times 7$ см. К стенам примыкает целый ряд прямоугольных помещений (№ 2, 4, 6, 8, 10 и др.). Помещения эти составляют два больших дома с весьма длительным периодом существования. Об этом свидетельствуют последовательные наслоения полов и следы серьезных реконструкций. И здесь найдены погребения, совершенные на полах комнат.

Несомненно, в Телль Хазне I открыты сложные и взаимосвязанные архитектурные комплексы с необычным расположением на платформах-террасах. Планировка и конструктивные приемы их находят близкие аналогии на синхронных памятниках данного региона, прежде всего на Телль Бдери [4]. Последний расположен на левобережье Хабера и исследуется с 1985 г. экспедицией Германского археологического института в Дамаске. На Телль Бдери выявлены два основных слоя: позднего бронзового века (хурритско-митаннийского периода) мощностью до 2 м и раннединастического и аккадского времени толщиной 11 м. В раннем слое наиболее интересны остатки оборонительной стены толщиной до 2,15 м, сложенной из сырцовых кирпичей стандарта 20×20 см [4, с. 236]. Эта стена по конструктивным особенностям полностью аналогична оборонительной стене (№ 17), вскрытой на Телль Хазне I. С внешней стороны стены в Телль Бдери открыт ров с оформленным гласисом, что также находит близкую аналогию в Телль Хазне I. Более того, в районе стены раскопаны две печи и скорченное захоронение. Как отмечалось, подобная же картина зафиксирована у стен в Телль Хазне I.

Следует подчеркнуть, что и на целом ряде других поселений III тыс. до н. э. в районе Хабера открыты архитектурные комплексы, чрезвычайно близкие по планам и конструктивным приемам сооружениям Телль Хазны I. Речь идет, в частности, о таких памятниках, как Телль Мелебийя [5], Телль Барри [6] и др. Особенно выделим среди последних поселение Телль Абу Хафур вблизи Хасеке, исследуемое с 1987 г. экспедицией Варшавского университета, относящееся ко второй половине III тыс. до н. э. Вся структура этого поселения, начиная с основной черты — расположения построек на последовательных платформах-террасах, поразительно близка структуре Телль Хазны²

Назначение ряда сооружений, вскрытых на Телль Хазне I, пока не определено, как не выяснены последовательность их создания и соотношение между со-

² С данным памятником и его материалами мы имели возможность ознакомиться на месте работ в 1989 г. Пользуясь случаем, приносим искреннюю благодарность проф. П. Белинскому и другим членам польской экспедиции.

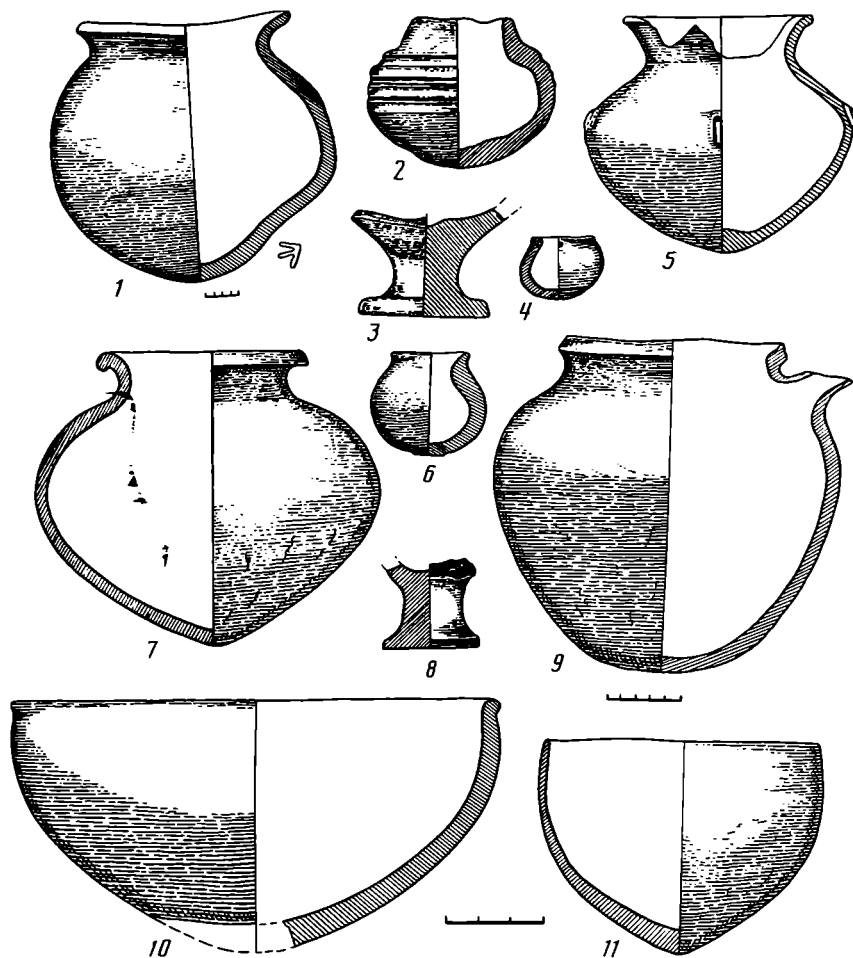

Рис. 3. Телль Хазна I. Керамика

бой. Учитывая единообразие массового керамического материала, комплексы этих сооружений могут датироваться в пределах прежде всего раннединастического II—III периодов. В этом плане показательно, что все формы и технологические группы керамики указанных периодов (вторая половина III тыс. до н. э.), выделенные в Телль Бдери [4, с. 259, 311, рис. 14—27, 31—41], находят массовые аналогии в материалах Телль Хазны I. Анализ этих материалов позволит уточнить хронологию конкретных архитектурных комплексов. Но уже сейчас некоторые даты могут быть обоснованы погребальными комплексами, открытыми на Телль Хазне I. Перейдем к их рассмотрению.

Всего на Телль Хазне I раскопано пока девять погребений, из них четыре детских и пять взрослых. Во всех случаях фиксируется труположение. В одном случае погребение ребенка находилось в глиняном сосуде, остальные же совершены внутри помещений, часто в специальных кирпичных конструкциях. Погребенные лежат скорченно на спине или на боку, ориентировка их различная. В трех случаях погребения сопровождались инвентарем, хронологически достаточно выразительным. Поэтому остановимся на них, обратив особое внимание на стратиграфическое положение погребенных.

Погребение I открыто в квадрате X-22, на глубине 13,35 м, с внешней стороны стены № 17. Оно располагалось в заполнении котлована, вырытого в культурном слое уже после разрушения стены. Покойник был положен в скорченном положении на правом боку, головой на северо-запад-запад. У черепа и позади него находились два небольших остродонных сосуда. Один из них имеет сферическое тулово, четко выраженную шейку с отогнутым наружу округленным венчиком (рис. 3, 7). Размеры его в см: высота — 8,5, диаметр устья — 5,5, максимальный диаметр тулова — 10. Второй сосуд в виде кубка с прямым вен-

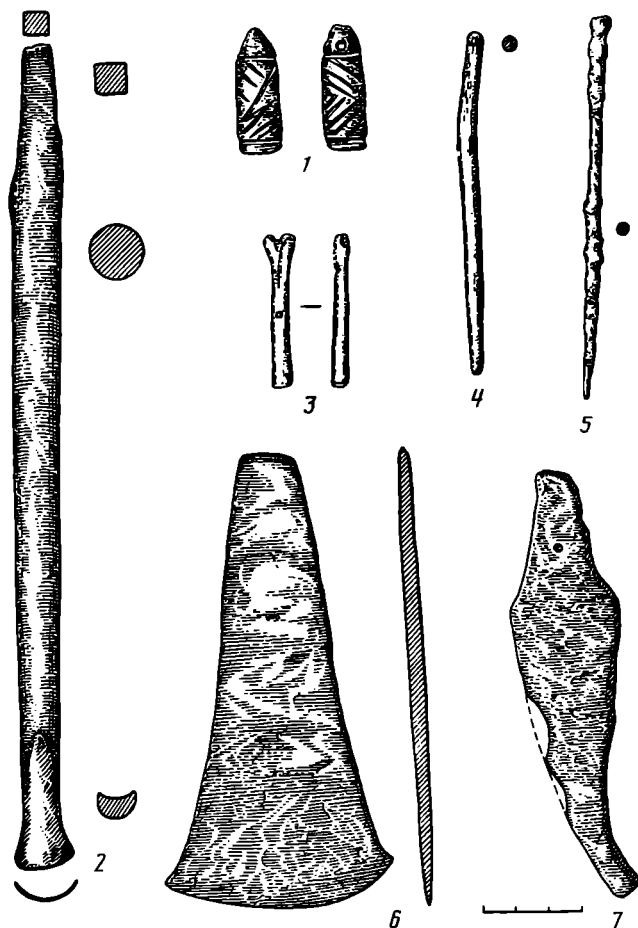

Рис. 4. Тель Хазна I. Каменная цилиндрическая подвеска-печать (1), бронзовые изделия (2—7)

чиком (рис. 3, 11); его высота 6 см, диаметр устья 8 см. Оба сосуда изготовлены на кругу из серой глины, поверхности их тщательно затерты.

У локтя левой руки обнаружена часть белокаменной сферической бусины. Перед лицом погребенного была воткнута в землю бронзовая булавка округлого сечения длиной 10,5 см и диаметром от 0,5 до 0,2 см (рис. 4, 5).

Погребение 3 раскопано на западном участке площади (квадрат VIII-15), на верхнем полу помещения № 8, на глубине 10,65—11 м. Оно было перекрыто остатками стен того же помещения. Костяк взрослого человека лежал скорченно на правом боку, головой на юг. Перед лицевой частью черепа найдено бронзовое тесло-топор длиной 12,5 см (рис. 4, 6), у лобной части — длинное (22,7 см) долото с желобчатым рабочим краем (рис. 4, 2). У таза и пяточной кости левой ноги найдены два обсидиановых наконечника стрелы миндалевидной формы, часть глиняной зооморфной (?) статуэтки, а в ногах — челюсть козы. В области груди и между костями рук обнаружено значительное скопление тонких дисковидных бус из горного хрусталя и кварцита (рис. 5). Всего их 215. Они составляли ожерелья или нашивались на одежду. Из таких же бус, включая одну сердоликовую, состояли трехрядные браслеты, расчищенные у запястий.

Интересно и погребение 6, открытое в квадрате XIII-15, внутри помещения 24 на уровне 5—5,29 м. Покойник был положен в южной половине почти квадратного (2,3×2,1 м) помещения, на подсыпку из мелкого гравия по красноватому грунту. Вполне вероятен обжиг поверхности пола: горелый слой отмечен под черепом и под конечностями. Костяк лежал на спине, несколько завалившись на правый бок, с подогнутыми руками и ногами, головой на северо-запад-запад (рис. 5, 11). В области черепа и костей грудной клетки, рук и таза отмечены скопления плоских дисковидных бусин из горного хрусталя и кварцита (рис. 6,